

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ ИЖОР

У ижор до недавнего времени сохранялось много праздников, приуроченных к дням различных православных святых, но имевших столь глубокие языческие корни, что только посещение церкви и само название праздника придавало ему христианское обличье¹. Тема ижорских праздников неоднократно поднималась прежде всего в финских исследованиях. Следует отметить статью Ю. Луккаринена «О праздниках ингерманландцев», где кратко рассмотрены обычаи Петрова и Ильина дня [Lukkarinen 1912]. Отдельные аспекты праздничной культуры населения Ингерманландии, в том числе и ижор, изучены в статьях В. Мансикка [Mansikka 1941], М. Хаавио [Haavio 1937, 1940], А. Хямяляйнена [Hämäläinen 1970]. Некоторые сведения можно почерпнуть и из Фольклорного архива Общества финской литературы, где в фондах В. Алава [Alava 1891: 425; 1892: VII, Vu: 14], Ю. Луккаринена [Lukkarinen 1910–1911 II: 2465] и М. Хаавио [Haavio 1936: 2692, 2695, 2698, 2704, 2722, 2746–2748, 2752–2763, 2772, 2777–2778] хранятся их записи о праздничной культуре народов Ингерманландии. Любопытные, но крайне отрывочные сведения об ижорских праздниках есть и словарях, прежде всего в словаре ижорских диалектов Р.Е. Нирви [Nirvi 1971]. Некоторые особенности ижорских праздников описаны и в книге Л. Куйванен «Годовые праздники и календарь Ингерманландии» [Kuivanen 2003].

Однако все указанные работы и архивные материалы представляют лишь разрозненные сведения о календарных праздниках ижор и не дают единой системной картины. Ее воссоздание и полное аналитическое изложение требуют несравненно большего объема, нежели возможно в небольшой статье. Поэтому в данной публикации будет обращено внимание лишь на главные календарные праздники — *праазникат*, *праасникат*, *праасниекат*, — сведения о которых были получены в результате полевых исследований автора, проведенных в 1979–2009 гг. среди сойкинских, нижнелужских, хэваских и оредежских ижор [Конькова 2009: 155–173].

---

¹ О проблемно-теоретических и методических трудностях, с которыми сталкивается исследователь народной религии, см.: [Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000. С. 10–29 (прим. ред.)].

В отличие от принятого в этнографической науке традиционного рассмотрения народного календаря европейских народов с цикла осенне-зимних праздников (с Покрова Прсв. Богородицы) мы будем описывать годовой праздничный цикл с Рождества, потому что, по мнению большинства современных ижор, опрошенных еще в 1980-е годы, «начало года идет с Рождества», «лишь Рождество год открывает», «в прежние времена мы новый год праздновали после Рождества, так что год по сердцу начинался с Рождества: Бог рождается, и новая жизнь начинается». По собранным полевым материалам празднование нового года повторяло проведение Рождества, но все угощения и гадания происходили в меньшем объеме.

Йоулумпяйвя (Рождество Христово) — 7 января (25 декабря ст.ст.).

Канун рождества, по мнению ижор, был самым опасным временем, когда души покойников и «нечисть» приходили в движение. Было много способов уберечься от них: клали железные или острые предметы под дверь или над ней, зажигали свечи и огонь в печи на всю ночь. Лучшей защитой служили магические знаки, особенно кресты, нарисованные смолой, мелом или сажей на двери. Их рисовали во все опасные периоды в кануны других праздников — в предпасхальную пятницу, в саму Пасху, на *Яаани* (Иванов день) [Lukkarinen 1910–1911: 1039]. Крестовыми знаками защищали также дворы и сараи. Крестными знаменами хозяева освящали угол, где стояли иконы, и все отверстия в стенах («чтобы нечистая сила не проникла в дом»). В канун рождества хозяин дома с топором, заткнутым за пояс, осенял крестом все двери и окна дома, а затем клал топор под стол. В Рождество все непременно ходили в церковь на всенощную службу.

Очень важным было, кто первым из гостей заходил в дом в рождественское утро: если мужчина, то будет хороший приплод у скота, а если женщина, «то ничего не будет». Еще Йохан Талус, служивший в 1800-х годах кантором в церкви в финском лютеранском приходе Туутари, писал: «В капелланском приходе Хиетамяки в двух деревнях живут ижоры. В новогоднее утро встала хозяйка <...>, зажгла маленькие свечи перед иконой, перекрестилась. Поклонилась до земли, помолилась: дай сейчас в этом году коровам телят, дай овце ягнят, а свиные поросят. Зашла тут соседская девушка за огнем, и тут эта хозяйка очень рассердилась. Если бы мужское существо первым бы зашло, то было бы счастье в телятах и овцах, а теперь оно прошло мимо» [Vanha Tuutari 1967: 58]. На приходящую гостью очень сердились, и в нижнелужских деревнях еще в 1940-х годах могли сразу прогнать из дома.

Утром от дома к дому ходили дети, распевая рождественские песни. Все Святки каждый вечер гадали. Одним из самых частых было литье расплавленного воска в воду: смотрели, на что похожа полученная фигура, если на шляпу или сапог — вскоре «появится жених», если на крест — «то смерти непременно жди». Садилась девушка в круг, каждая сыпала перед собой горсть зерна, и со словами: «Кто первый выйдет замуж?» или «У кого будет самый красивый жених?» пускали в круг петуха: чье зерно петух начнет клевать, у той девушки «это и сбудется». О свадьбе гадали и на лучинах. Каждая девушка помечала «свою» лучину и втыкала в сугроб у дома за несколько дней до Рождества. В канун праздника лучину поджигали, и по ее горению судили, выйдет ли девушка замуж в следующем году.

Было и «страшное гадание»: ходили ночью в одиночку на перекресток дорог за деревню «слушать». С какой стороны раздастся собачий лай, с той и приедут вскоре женихи, услышишь пение или смех — это тоже к свадьбе. Если донесется вой волков — к болезни, а если слышен колокольный звон — к похоронам. Девушки делали из спичек колодезный сруб, который прятали под подушку. Считалось, что ночью во сне у колодца появится будущий жених, «чтобы напоить свою лошадь».

На четвертый день Рождества молодые начинали ходить из дома в дом и колядовать — пели восхваляющие песни *килетойвирси* в честь хозяев, которые в ответ давали угощение. Ходила молодежь и на *игриссойл* (от русского слова «игра»), которые проводили в деревенских домах. Надевали маски из бересты, лица красили углем или мелом, надевали старые кафтаны, на спину приделывали «горб», в руки брали посох. Важно было, чтобы никто не узнал ряженных, для чего пели искаженными голосами. Мужчины могли одеться женщинами и наоборот. Одев наизнанку шубу, изображали волков и медведей. «Волков» в дом не пускали, им бросали заранее сшитых маленьких зайчиков из льняного полотна. Из скамейки делали лошадь: накидывали поверх шубу, на ножки надевали валенки и скакали на ней по избе, били в барабаны, пели и танцевали. Елку на Рождество стали привозить из леса и в избе украшать лентами только в XX в.

Везериста (Крещение Господне) — 19 января (6 января ст.ст.).

В ночь на Крещение хозяева также делали мелом кресты на всех четырех стенах избы, а на двери — четыре креста. Также рисовали кресты на всех предметах в доме, они должны были оставаться там трое суток. Как и у русских, у ижор считалось, что обливание на Крещение может смыть все грехи за год. Брали освященную в церкви воду, хозяева и сами

«святили» колодцы и проруби, ставя кресты из дерева или лучины. Хозяин в *юмалануркка* («в красном» углу») сам крестил всю свою семью, трижды обрызгивая каждого освященной водой с березовой ветки. В некоторых деревнях в этот день обязательно варили и ели горох: полагали, что тогда он хорошо уродится. Перед едой хозяин выходил из дома и разбрасывал горох, принося «жертву»: «Ешь, ешь, мороз, зимой, а не весной!»

В крещенскую ночь к «водным» местам (источникам, прорубям, колодцам) и на перекрестки дорог тайком ходили гадать о будущем, при этом «имя божье нельзя произносить, тогда Бог ничего не покажет». На перекрестках ложились на землю и, не двигаясь, внимательно слушали звуки: если лошади цокали или слышен был скрип повозки, будет урожайный год, а если «будто косы точат», то жди неурожая. На перекрестке дорог можно было определить и место проживания жениха, крича в крещенскую ночь: «Звучи, звучи голос дорогого, лай, лай, собака свекра!» С какой стороны зазвучит голос либо раздастся собачий лай, туда девушку вскоре заберут замуж. Вечером в канун Крещения девушки брали сухую лучину, шли с босыми ногами к колодцу или проруби и окунали ее в воду. Затем лучину зажигали: если она горела хорошо, то в новом году ожидало счастье, а если плохо, то год будет несчастливый.

Лиугуняйвя (Масленица) — за семь недель до *Эйяняйвя* (Пасхи).

В народном календаре ижор Масленица была связана с женскими работами. В этот день женщины подметали пол в избе много раз, при этом мусор выносили далеко, так как верили, что тогда поле будет чистым от сорной травы. Вечером праздничного дня старались все работы закончить пораньше, полагая, что тогда и летние работы пройдут быстро и закончатся вовремя.

Главной составляющей праздника, по мнению ижор, было катание, поэтому часто Масленицу называли «великим катальным днем». Скатываясь с горы, кричали: «Катись, катись, масленица, высокие льны катящимся, пучки позади стоящим! Кто не придет кататься, у того лен вымокнет, к земле пригнется!» Считалось, что от длины санного хода зависела высота льна. Молодежь каталась и на лошадях. Девушки и юноши садились в разные сани и во время езды пели катальные песни: «Кто не поет на Масленицу, тот и летом петь не будет!»

В этот день готовили лучшие угощения — тогда и весна будет хорошей, и урожай щедрым. После обеда вся семья ходила в баню. А вечером, после ужина, стол непременно оставляли накрытым, говоря при этом: «Бог бежит через стол!»

Урбиняйвя (Вербное воскресенье) — за неделю до **Эйяпяйвя** (Пасхи).

В этот день дети обязательно ходили «вербовать», сначала заходя к крестным, а потом и к знакомым, стегали их прутьями вербы, украшенными лентами, говоря при этом:

<i>Urpaа verpaа,</i>	<i>Верба, верба,</i>
<i>Viigokselle velkaa,</i>	<i>На неделю долг,</i>
<i>Kanaltaaz muna,</i>	<i>От твоей курицы — яйцо,</i>
<i>Kakku taiginaizeltaaz,</i>	<i>Кусок хлеба от твоего теста,</i>
<i>Voiluzikka leivältääz!</i>	<i>Ложка масла от твоего хлеба!</i>

Вербы хозяева клали рядом с иконой и берегли до дня первого выгона скота на пастбище, а иногда и дольше, используя в качестве лекарства для животных. Через неделю, на Пасху, дети приходили за «долгом» и хозяева одаривали их сладстями или яйцами.

Эйяпяйвя (Пасха Христова) — время проведения ежегодно менялось и зависело от лунного календаря.

Название **Эйяпяйвя** относилось порой и к семинедельному предпасхальному посту. Если корова к Пасхе не начинала доиться, то такую Пасху называли «черной Пасхой». Накануне Пасхи, в Чистый четверг, нельзя было брать землю в руки и срывать ветви с деревьев: говорили, что *«таад ja puud leinaad»* («земли и деревья горюют»). Нельзя было нарушать тишину: шумные работы считались грехом.

Праздник длился три-четыре дня. Пасху ижоры праздновали, как и все православные: ходили в церковь, разговлялись яйцами, куличами, творожной пасхой. Но сохранялись и древние верования: утром хозяева обходили дворы с топорами, ножами или косами в руках для того, чтобы летом змеи не заползали к ним. Девушки ходили по улицам, одаривая понравившихся парней крашеными яйцами, те в ответ целовались с ними. В некоторых деревнях и мальчики, и взрослые мужчины «катали» яйца, для этого делали специальные деревянные желоба. Целью «катания» было сбить своим яйцом яйцо соперника.

В каждой деревне в этот день парни ставили качели. У северных ижор Карельского перешейка делались «веревочные» качели из каната и широкой доски, на которую порой усаживалось 12 человек. Вечером, когда заканчивали качаться, убирали веревку и доски до следующего «качания». У хэваских, сойкинских и нижнелужских ижор качели часто делали основательно: опорные столбы — из сосновых бревен, ось — из

дуба, сиденья — из березы. На качелях исполняли особые «качельные» песни, при этом сохранялась старинная манера исполнения: одна девушка была запевалой, другие подхватывали каждую строку на последнем слогe и повторяли всю строку.

Обычно исполнялись песни архаичной калевальской метрики. Так, знаменитая ижорская народная певица XIX в. Ларин Параске вспоминала, что древнейшую руну о сотворении мира из яйца птицы она услышала именно на качелях. Но уже с середины XIX в. молодежь либо изменяла старинные руны, либо пела совсем новые песни, схожие с русскими частушками. В некоторых деревнях качели сразу после Пасхи убирали: нередко были несчастные случаи с детьми, и отцы многодетных семей иногда ночью подпиливали стояки качелей [Salminen 1931: 33]. На качелях качались до Троицы, кое-где — до осени.

Юрги (Юрьев день, день св. Георгия) — 6 мая (23 апреля ст.ст.).

Юрги — день первого выгона скота на пастбище. Утром хозяйка шла в хлев, держа в руках сито, куда она клала икону св. Георгия, вербу, сохраненную после Вербного Воскресения, и нож. С ситом она обходила коров, держа косу в руках или нож в зубах и прося св. Георгия охранять стадо все лето. На Сойкинском полуострове в 1980 г. нам удалось записать следующий заговор:

*Pyhä Jyrgi metsän herra,
Miikkula meroin kuningas,
Paa siä suelle suitset päähä,
Paa siä karhut kammittaa.*

*Святой Егорий, господин леса,
Мийккула, король моря,
Надень ты узду на волков,
Надень на медведей пути.*

Затем хозяйка клала нож под порог или втыкала его над выходом из хлева. Пастух тоже совершал «обход» вокруг стада, получив от хозяек узелки с яйцами, хлебом и солью. Если *Юрги* был холодным днем или весна была поздней, коров все равно хоть на час выгоняли из хлева. По возвращении им скармливали часть припасенного еще с предпасхального поста «крестового хлеба» *ристлейбя*, чтобы животные были здоровы. По рассказам хэваских ижор, еще в послевоенное время такой ржаной хлеб с изображением равноконечного креста выпекали в среду четвертой недели поста.

Вечером устраивали деревенский праздник. Молодежь уходила за деревню, разводила костры, плясала вокруг них, пела «егорьевские» и другие песни. Сюда же приходили и мужчины.

У замужних женщин был отдельный праздник, вероятно, связанный с культом плодородия. В некоторых деревнях накануне *Юрги* еще в 1930-х годах устраивался особый «бабий праздник», на который собирались только замужние женщины, а мужчины, кроме пастуха, не допускались. На время пастьбы на пастуха были наложены различные запреты, один из которых — не иметь близости с женщинами, поэтому с *Юрги* до осени пастух «мужчиной» не считался.

В избе порой собиралось более 40 женщин. Большинство из них были простоволосыми, хотя в другое время ношение головных уборов было строго обязательным. Двери плотно закрывались, даже окна иногда завешивались. Праздник сопровождался трапезой вскладчину, причем угощались в основном яйцами и яичницей, пили вино и водку. На «бабьем празднике» пели величальные песни и качали молодых, вышедших замуж в течение года, а также женщин, у которых родился первый ребенок или первый внук. Затем все выходили на улицу и, взявшись за руки, цепью (как обычно ходили на вечерних гуляниях девушек) шли по улице, распевая песни [Гаген-Торн 1930: 69–79].

Маахенккеуз (Вознесение Господне) — 40 дней после *Эйяпйявя* (Пасхи).

В этот день «ничего не делали»: все работы, связанные с землей, были запрещены («В этот день земля родилась, она отдыхает, и ее нельзя беспокоить»). Нельзя было срывать траву и цветы, и даже старались меньше ходить по земле, тем более стучать ногами и прыгать: «Земля и деревья горюют по Христу, все нужно делать в тишине».

Троитса (день Святой Троицы) — 50 дней после *Эйяпйявя* (Пасхи).

В субботу перед Троицей ходили на кладбище — это был один из главных поминальных дней. На могилы несли еду для мертвых: размоченный или сваренный горох, яйца (их нужно было раскрошить, чтобы мертвым елось легче), кашу, куски пирогов. Окна и двери домов на Троицу украшали березами, которые выкапывали в лесу. Часто ходили тайком в лес и под корневище березы закапывали монету с просьбой к дереву «сохранить здоровье».

На Троицу часто устраивали свадьбы. В воскресный день был обычай: невесты прогуливались по деревенской улице в праздничных нарядах. Особенно многолюдны в этот день были деревни с широкими улицами, сюда съезжались не только невесты и молодые, но и вообще окрестная молодежь. Троица была важным днем и для крестьянских работ: к этому дню обычно заканчивали сажать картофель.

Яани (Иванов день, рождество Иоанна Предтечи) — 7 июля (24 июня ст.ст.).

Как и у многих европейских народов, у ижор **Яани** был днем летнего солнцеворота и одним из главных годовых праздников. К празднику в домах все должно быть убрано, выстирано и украшено зеленой листвой, цветущей черемухой или рябиной. В некоторых деревнях у ворот или дверей дома ставили срубленные березки (как на Троицу). У северных ижор пол застилали зелеными ветвями, на окна и стены вешали венки из цветов. Зелень «защищала от ведьм и других темных сил», поэтому украшали и домашних животных: к рогам привязывали жгуты из цветов, камыша и зеленых ветвей. Их хозяйки хранили до дня окончания полевых работ, когда их скармливали коровам и овцам «для здоровья».

Утро кануна **Яани** начиналось со сбора дров для костров. В этот же день во многих деревнях начинали купаться: считалось, что до **Яани** вода еще слишком холодна. А если не купались, то обязательно обливались. Начинали обливание парни и молодые мужчины, поливая друг друга водой из ведер. С утра девушки отправлялись собирать «заветные» цветы. 9–12 видов цветов и прежде всего «Иванов цветок» (*Melanium nemorosum*) должны были принести магическую силу. Лучшие целебные травы и травы для ворожбы нужно было собирать на чужих полях. В этот день мужчины часто выкапывали можжевельник с корнем и клали его на чердак дома «прямо над столом»: считалось, что он защищал дом от грозы, им также окуривались для выздоровления.

С вечером **Яани** была связана и любовная магия. Девушки и женщины ходили париться в баню с веником с собранными утром травами: «тогда и тело станет более красивым, и через банное окно можно разглядеть будущего жениха». После мытья бросали через крышу бани веники для испытания судьбы (в какую сторону падал комлем веник, туда и предстояло выйти замуж). Увидеть суженого можно было не выходя из дома: собранные цветы клали под подушку или подвешивали к балке под крышу, «тогда милый непременно приснится». Узнать о близости свадьбы можно было и так: взяв наугад из поленицы охапку дров, их следовало сосчитать, четное число поленьев предсказывало девушке скорое замужество.

Ночью зажигали костры. Еще исследователь XVIII в. академик И.-Г. Георги отмечал, что в канун праздничной ночи ижоры жгли костры у священной липы и приносили в жертву духам белого петуха [Георги 1776: 29]. В некоторых деревнях были особые горки, где парни на высокий шест или на верхушку березы крепили тележное колесо. На Сойкинском полуострове часто вместо колеса поднимали смоляную бочку.

Самые необычные костры были у ижор Карельского перешейка. За две недели до праздника пастухи из бревен воздвигали башню высотой до 10 м, а рядом ставили несколько деревянных башен пониже. Все костры обносились оградой с воротами, где жерди были соединены берестой. В ночь *Яани* горели костры и ограда и летали подожженные берестяные шары, заранее сплетенные пастухами. Костер должен был гореть очень ярким пламенем, как очиститель тела и души человека «от дурных сил и злых духов». Не случайно северные ижоры называли такой костер *тюхи тули* («святой огонь», в других местах их называли *кокко*). Через такие костры прыгали молодые, полагая, что при этом непременно излечишься «от хвори», а «если прыгнуть высоко, то хлеба уродятся высокими и густыми». Вокруг костров танцевали, водили хороводы, пели особые хороводные песни, играли. Гуляние начиналось песней-засывом:

*Tulkkaha tulelle meijen,
Valukaha valkijalle,
Tookkaa puuta tulessanne,
Hiiltoi hibjoi sezlässänne,
Kekelettä kenkässänne!*

*Приходите к нашему пламени,
Стекайтесь к огню,
Приносите дров с собой,
Тлеющие угли за пазухой,
Головешки в своих сапогах!*
[Lukkarinen 1912: 50–51].

В ночь перед *Яани* загорали дороги повозками, бочками и дрочками, на телеги устанавливали «жениха» и «невесту» из соломы, затыкали старой шубой или чем-либо иным дымоход в избе соседней, разваливали поленницу, затаскивали лодку, а иногда и телегу на крышу сарая. Иногда мужчины в эту ночь на полях караулили «ведьм».

Пэдро (Петров день, день св. апостолов Петра и Павла) — 12 июля (29 июня ст.ст.).

Пэдро был и остается одним из самых важных годовых праздников. До конца XIX в. в этот день проводились коллективные культовые праздники-братчины — *ваккове*, на которые собирались жители всей деревни. Этот праздник должен был умиловить как души умерших, так и христианских святых, чтобы засуха не погубила хлеба. Согласно сведениям академика А.М. Шёгрена, ижоры в XVIII–XIX веках отмечали Петров день приношением к священным деревьям еды и питья для духов предков. Даже в начале XX в. в некоторых деревнях сохранялся обычай приносить в этот день в жертву быка или барана, чьи внутренности бросали в воду, а мясо съедали [Наавио 1963: 84–88]. И все же православная церковь не смогла побороть традиции этого праздника и «вклю-

чила» его в церковную практику: около многих священных деревьев и в священных рощах были поставлены каменные кресты и часовни, где перед братчиной проводилась служба.

К концу XIX в. Петров день в нижнелужских деревнях праздновали на берегу, а в хэваских — на открытых взгорьях. В сойкинских деревнях праздник проводили на краю деревни, чаще всего в одной из огромных риг, где ставили икону св. Петра и где заранее варили пиво. Оно было одной из главных составляющих праздника. Сначала со всех дворов собирали определенную меру зерна (ячменя или ржи), а затем самые умелые «пивовары», обычно два-три человека, варили пиво.

Настоящий праздник начинался с утра. По деревенским улицам ходил «праздничный народ» в лучших одеждах. После службы священник со всем народом отправлялся благословлять поля, дворы и праздничное пиво. Знаки для сбора народа на праздник были разные. Так, в *Харккола* (Ст. Гарколово) пивовар ударял по подвешенному бревну. А в сойкинских деревнях дети варщиков пива бежали к самым отдаленным избам, крича в окна: «Ваккове! Поп пришел!» На «ваккове» каждый приходил со своим пивным ковшом или чашкой.

Праздник начинали незамужние девушки в риге песней в честь св. Петра. Если было много народа и он не мог поместиться внутри, то открывали настежь двери и окна, чтобы песню-заклинание слышали все:

<i>Pyhä Pedro armollinen,</i>	<i>Святой Петр милостивый,</i>
<i>Pyhä Iilia izändä,</i>	<i>Святой Илья, хозяин,</i>
<i>Laskii maaha maajalalle,</i>	<i>Сойди на землю,</i>
<i>Tye meille viirahisse.</i>	<i>Приди к нам в гости.</i>
<i>Kai on saatu, kai on tuotu</i>	<i>Все добыто, все принесено</i>
<i>Pyhän Pedron kunniaksi,</i>	<i>В честь святого Петра,</i>
<i>Pyhän Iilian varaksi.</i>	<i>Для святого Ильи.</i>
<i>Kolt meil putkia puhuu:</i>	<i>У нас из трех стеблей льется:</i>
<i>Yhest oloi punain,</i>	<i>Из первого — пиво красное,</i>
<i>Toizest viina vihain,</i>	<i>Из второго — вино злое,</i>
<i>Kolmanehest medoi makkii...</i>	<i>Из третьего — мед сладкий...</i>
<i>Nossa pilvi pikkarain,</i>	<i>Подними облако маленькое,</i>
<i>Hattaraine harvukkaine,</i>	<i>Тучку реденькую,</i>
<i>Kastele mejän kagroja,</i>	<i>Намочи наши овсы,</i>
<i>Ojentele ozria.</i>	<i>Распрями ячменя.</i>

[Lukkarinen 1912: 51].

Затем все выходили на улицу, пели, танцевали. Перед каждым домом хозяйки ставили широкие столы, а на них — различные пироги, соленую рыбу, чай или кофе и, самое главное, бочонки и кадки с пивом и водкой. Знакомый или вовсе неизвестный мог прийти в дом, и его усаживали за стол. Отказ считался оскорблением.

Второй день праздника проходил так же. Порой, если *Пэдро* был престольным праздником, то гости из близлежащих деревень утром могли найти ворота деревни, где они вчера праздновали, закрытыми. В сойкинских деревнях гостей «по-хорошему» встречали лишь в первый и во второй день, а если какой-нибудь мужчина приходил на третий или, еще хуже, на четвертый день, то его могли и положить на скамейку да надавать прутом, приговаривая: «Зачем пришел? Это праздник нашей деревни!» К концу четвертого дня праздник завершился.

Иилия (день св. Ильи) — 2 августа (20 июля ст.ст.).

По сведениям Ф. Туманского, ижоры в XVIII в. отмечали Ильин день так же торжественно, как и Петров день. Устраивались «братчины» — совместные трапезы ритуального характера всей деревенской общины. В этот день убивали домашнее животное: барана, рыжего быка или свинью. Судя по всему, на «братчины» собирались жители нескольких деревень, так как мяса жертвенных животных, как сообщает Ф. Туманский, хватало лишь на старейшин [Örik 1970: 84]. Праздник проходил либо рядом с часовней, либо в специально отгороженном месте. Многие исследователи полагают, что и этот, и предыдущий праздник когда-то давно был посвящен верховному божеству многих финских народов Укко. Ведь еще в начале XIX в. в эти дни исполняли обрядовые песни в честь древнего бога-громовержца [Ингерманландская эпическая поэзия 1990: 175–176].

В XIX в. различия в проведении между *Пэдро* и *Иилия* не было. Даже песни-заклинания были теми же, только обращаясь к св. Илье. Снова варили пиво, обильно угощали гостей (к этому дню на столах должен лежать хлеб из нового зерна), танцевали и веселились, но уже в других деревнях, где престольным праздником был день св. Ильи. Именно на *Иилия* долго сохранялся обряд жертвоприношения барана. Выбирали жертву по-разному: иногда — лучшее животное в стаде, порой — то, которое первым вернулось домой в канун праздника. В нижнелужской деревне *Котко* (Орлы) и *Пярсляя* (Липово) на Кургальском полуострове при заклании жертвы не должны были присутствовать женщины. Порой жертвенного барана не резали, а топили в реке, тогда он считался «чистым». Внутренности, а иногда и голову животного бросали в реку, крича при этом непонятные слова «*Кирлоукс! Кирлоукс!*» Местные жи-

тели были уверены, что если духу реки не принести такой жертвы, то в этот год утонет много детей [Lukkarinen 1912: 50– 51].

Илия праздновался обычно 4 дня. Но в сойкинских деревнях у него было свое продолжение, носившее название *куккоилия* («петушиный Илья»). Ночью на пятый и шестой день праздника мужское население бродило по деревне, выскивая петухов. Если петуха находили, его тут же убивали и уносили с собой. Затем всю добычу собирали в доме какого-нибудь холостого парня, приглашенная женщина готовила еду, и начинался праздник только для мужчин.

Лаару (день св. Флора и Лавра) — 18 августа (31 августа ст.ст.).

Почитался у ижор и «конский праздник» в день св. Флора и Лавра. Рано утром парни и девушки гнали своих лошадей в табун, и каждый спрашивал у конюха разрешения сжать сноп овса. Этот первый сжатый сноп несли в дом и ставили в святой угол, где он и стоял полдня. На Сойкинском полуострове хозяйка сама утром шла в поле, сжинала два первых в этом году снопа овса и ставила их под икону.

Первая половина этого дня считалась обычной, рабочей. К обеду лошадей приводили к церковной ограде и ждали прихода священника, который окроплял их святой водой и благословлял. Днем из ржаной муки выпекался особый небольшой хлеб *саула* («седло») с рисунком креста и со вставленным в середину яйцом. Лошадь гладили им по спине, чтобы она была гладкой и круглой, как яйцо. Затем сжатые снопы и сам хлеб давали лошади, а яйцо съедал тот, кто ухаживал за ней. Лошади в этот день не работали. В *Йоенперя* (Краколье) в этот день проводили ярмарку, варили общедеревенское пиво и устраивали танцы для гостей [Haavio 1936: № 2795].

Виизенья (Воздвижение Креста Господня) — 27 сентября (14 сентября ст.ст.).

В *Виизенья* лошадей с табунного выпаса забирали по домам в конюшни. У ижор с этим днем были связаны строгие запреты: нельзя было ходить в лес — это был «змеиный день». Считалось, что змеи, перед тем как уйти под землю на всю зиму, последний день в году «веселились» — десятками собирались на сухих пригорках и влажных низинах.

Настосья (день св. Анастасии) — 11 ноября (29 октября по ст.ст.).

Это был женский праздник, ведь св. Анастасия считалась покровительницей овец, а именно хозяйкам приходилось о них заботиться. К этому дню варили пиво, а в домах зажиточных хозяев резали специ-

ально выращенную овцу. Для овец пекли особое печенье с изображением креста, но уже без яйца (как для лошадей в день *Лаари*).

На праздник собирались только местные замужние женщины. Заранее варили общинное пиво, покупали вскладчину вино. Если к этому дню весь лен был обработан, а картофель выкопан, то праздновали два дня. Женщины пили, ели, пели, танцевали. Одни из них надевали мужские одежды, другие делали себе косы из очесов льна, надевали на голову лукошки.

В этот день женщины издалека ездили в водскую деревню *Пихлаала* (Пиллово) или ижорскую деревню *Пярсняя* (Липово), где были часовни, посвященные св. Анастасии. Там они несли к часовне шерсть, овечьи головы и ноги и клали их на землю. В этот день в часовню приезжал служить службу священник, он и благословлял овечью шерсть — «только тогда с овцами все будет хорошо». Затем меньшую часть приношений забирал священник, а большую часть отдавали нищим: «Что отдашь нищему — то отдашь своему умершему родственнику».

После службы устраивали складчину. В *Пярсняя* (Липово) на Кургальском полуострове *Настосья* была общедеревенским праздником, и справляли его, как положено, четыре дня.

Мииккула (день св. Николая) — 19 ноября (6 ноября ст.ст.).

Этот праздник тоже отмечали четыре дня. Но самым главным был вечер кануна праздника. После наступления темноты деревенские парни и девушки большой группой ходили по деревне от дома к дому. Войдя в дом, девушки начинали петь и танцевать, затем хозяин приглашал их за стол с домашними угощениями: заваренным толокном, пирогами, пивом, водкой и обязательно мясным супом. В нижнелужских деревнях на этот праздник готовили пироги с сыртью и налирью уху. Существовал особый порядок усаживания за стол. Если у хозяев была взрослая дочь, то первыми за стол проходили девушки, а если сын, то парни. Перед уходом пелась благодарственная песня. Если молодежь в дом не пускали, то под окном начинали петь особую «ругательную» песню и желали хозяевам «тяжелого» счастья. В эти дни начинались посиделки: за небольшую плату снимали дом, где молодежь танцевала и пела.

Во многих деревнях к *Мииккула* забивали скот. Многие заранее покупали «часть» еще живой свиньи или овцы, и тогда одно животное резали сразу для «мииккульской еды» нескольких домов. Возможно, это следы древнего общего жертвоприношения.

Библиография

Гаген-Торн Н.И. О «бабьем празднике» у ижор (Ленинградского района) // Этнография. М.; Л., 1930. № 3.

Георги И.-Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. I.

Ингерманландская эпическая поэзия: Антология. Петрозаводск, 1990.

Конькова О.И. Ижора. Очерки истории и культуры. СПб., 2009.

Народные песни Ингерманландии. Л., 1974.

Alava V. 1891 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kansanrunousarkisto (Фольклорный архив Общества финской литературы).

Haavio M. 1936 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kansanrunousarkisto (Фольклорный архив Общества финской литературы).

Haavio M. Inkerin muinaisesta uskonnosta ja palvonnasta // Suomalainen Inkeri, nro 6. Helsinki, 1937.

Haavio M. Inkeriläisten juhluvuosi // Koti ja isänmaa, nro 6. Helsinki, 1940.

Haavio M. Heilige Haine in Ingermanland // Folklore Fellows Communications. № 189. Helsinki, 1963.

Hämäläinen A. Kansantieteellisiä lisiä Inkerin suomalaisten historiaan. I–III; V // Inkeriläisten viesti, nro 3–5. Helsinki, 1970.

Kuivanen L.-E. Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. Viro, 2003.

Lukkarinen J. 1910–1911 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kansanrunousarkisto (Фольклорный архив Общества финской литературы).

Lukkarinen J. Inkeriläisten praasnikoista // Suomalaisen kansanrunousseminaarin julkaisuja II. Helsinki, 1912.

Mansikka V.J. Karjalais-inkeriläisiä pyhimyksiä ja juhlapäiviä // Virittäjä, nro 1. Helsinki, 1941.

Nirvi R.E. Inkeröismurteiden sanakirja. Lexica societatis fenno-ugricae XVIII. Helsinki, 1971.

Salminen V. Keinui eli liekku ja liekkuvirret // Kalevalaseuran vuosikirja. 11. Helsinki, 1931.

Vanha Tuutari. Tunteattoman tekijän käsikirjoitus 19. vuosisadan alusta. Julk. Sulo Haltsonen // Suomi. 112: 4. Helsinki, 1967.

Öpik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kitjelduses. Tallinn, 1970.